

НИДЕРЛАНДСКИЙ национальный балет гастролирует в нашей стране впервые. Кроме Москвы, труппа даст спектакли в Ленинграде и в Риге. Коллектив очень своеобразный, с ярко ощутимым влиянием театров Европы. В репертуаре гастролей, состоящем из одноктных балетов и миниатюр, мы встречаем имена известных хореографов Европы и Америки. В педагогической и балетмейстерской деятельности театра принимали участие и советские балетные деятели. Сама труппа тоже неоднородна — ее составляют танцоры из 15 разных стран.

Итак, знакомство состоялось. Впечатления очень разнообразные. В труппе есть ряд интересных исполнителей — таких, как Соня Марчиолли, Александра Раднуе, Есенка Фолкерте, Ольга де Хаас. Менее сильными оказались танцовщицы. Особенно это ощущалось в номерах классического репертуара. Запомнились Сильвестр Кемибелл, Ян Эбеллар, Фрэнсис Синчеретти.

Нерольным было впечатление и от репертуара. Наряду с шедеврами хореографии были и малоинтересные произведения. Некоторые из включенных в репертуар балетов известных хореографов не всегда удовлетворяли уровню исполнительского мастерства, трактовкой.

Так, в «Вальсе» Равеля (известная всему миру хореография Балanchina) пропал нежнейший романтизм музыки, сотканный из тончайших ароматов, туманных и хрупких видений, неясных предчувствий, исчез и романтизм танцев. Исполнители излишне акцентировали ритмический пульс вальсов, внесли в них несвойственную музыке Равеля энергию и динамику. Вместо хрупких, туманно-мечтательных видений они станцевали вполне зримый, реальный сюжет — «случай на балу». Легкость, прозрачность музыки «Струнный серенады» Чайковского, ее искренняя взволнованность вдохновила в свое время Балanchina. Слово в бликах лунного света, то словно растаивая, то возникая вновь, скользят танцовщицы, образуя пугающие по красоте и разнообразию пластические композиции, вариации тончайшего рисунка. Сам хореограф назвал свою композицию «Танцы при лунном свете». К сожалению, исполнители не почувствова-

ли и не передали всей этой сложной гаммы настроений, оттенков, как-то приземлили танец, лишив его очаровательной легкости и изящества, эмоциональной глубины, таинственности.

Видимо, классический балет с его романтической устремленностью, тонким лиризмом не совсем в сти-

люет колоритом звуков, их полнейшей оторванностью друг от друга, разрывом гармонических и мелодических связей, конкретным воспроизведением таинственных шорохов джунглей, остродиссолирующими аккордами и рваными ритмами. Превосходно исполняют свои партии в этом балете Соня Марчиолли

и других взаимоотношения действующих лиц, в частности, показав одиночество и беззащитность Девушки, которая впервые столкнулась с подлинным чувством, первое страстно, в страшном мире современного города-спрута.

И, наконец, кульминация гастролей — «Зеленый стол» (хореограф Курт Еес). Балет был поставлен в 1932 году и с тех пор не сходит с театральных сцен мира, прочно войдя в золотой фонд мировой хореографии.

Антивоенная тематика балета прозвучала очень злободневно. Балет стилизован под немое кино. Это впечатление усиливает аккомпанемент рояля, под который идет спектакль, типичные танцевальные ритмы 30-х годов. Символика, гротеск, маски, реальные персонажи сложно переплелись в этом произведении в его оригинальнейшей пластической партитуре.

Одна из сильнейших сцен спектакля — смерть Матери. Она бьется, не находя места от страшных предчувствий и переживаний за сына, ушедшего на войну. Ее танец со Смертью, в котором постепенно истощаются ее силы, и финал дуэта, когда ее несомая, словно несущая страданиями маленькая фигурка засыпает в объятиях Смерти, доверчиво прижавшись к ее плечу, наконец нашла успокоение, потрясает своей силой, глубиной обобщения.

Страшный образ войны, несущей смерть и постепенно уводящей за собой кружащихся в жутком хороводе мертвецов — молодых солдат, невесту, жену, мать. Зловещий символ гибели и разрушения. Полна глубокого смысла и сцена, начинающая и заканчивающая спектакль, — зеленый картонный стол, страшные обезличенные маски игроков человеческими судьбами, от неверного, случайного хода которых зависит человеческие судьбы, может произойти катастрофа.

Художественные интересы «Нидерландского национального балета» разнообразны. Уважение к классическому танцу, стремление следовать его лучшим традициям сочетается с желанием сказать свое слово в современной хореографии. У труппы, несомненно, большие возможности и перспективы.

А. ДАШИЧЕВА.

НАШИ ГОСТИ

БАЛЕТ ИЗ НИДЕРЛАНДОВ

ле труппы, воспитанной на современном «свободном» танце с его уклоном в сторону хореопластики. Интереснее прозвучали «Сильфиды» (так на Западе называют «Шопениану» Фокина). Они были очень точно исполнены, безукоризненны по своим построениям, сложным композиционным группам, словно оживших гирлянд вариаций кордебалета. Но не было тонкости романтического очарования, ощущения парения, вальсов и замираний, словно на невидимых звуковых волнах. Они были галантны, грациозны, но не более.

«Ночной остров» и «Джунгли» — современные балеты, поставленные художественным руководителем труппы Рудом ван Даннигом. «Ночной остров» — его хореографический дебют 1955 года. Балет поставлен на музыку Дебюсси («Шесть античных энтрафов»). Сложный замысел — «борьба человека с самим собой ради сохранения идеалов» — воплощен в пластических композициях двух пар солистов. Но и врид ли музыка Дебюсси с ее хрупкими, изнеженными созвучиями, хрустальной прозрачностью соответствует лаконизму и прямолинейности пластического решения. Более изобретательно и интересно поставлен ван Даннигом одноактный балет «Джунгли». Здесь хореография и замысел полностью соответствуют принципам электронной музыки, на которую поставлен балет, с ее необычным

и Сильвестр Кемибелл. Многозначителен и несколько претенциозен замысел миниатюры «Past Imperfect» («Давно прошедшее время»). А вот миниатюра Ханса ван Манена на музыку Пяти льес Пауля Хиндемита оказалась интересной и хорошо исполненной Александрой Раднуе и Яном Эбелларом. Несомненно, в ней наличествовали элементы конструктивизма формы, первостепенности пластической структуры, стилизации старинной полифонической и танцевальной формы, соседствие элементов классического танца и танца модери. Но в дуэте есть эмоциональная выразительность, образность и лиризм.

Самым интересным и значительным оказался в программе гостей два одноктных балета — «Чудесный мандарин» и «Зеленый стол».

Совершенно недавно мы видели балет Бартока в постановке венгерского театра. Балетмейстер, если можно так выразиться, предложил «крайний вариант» трактовки музыки, углубив, акцентировав черты экзипрессионизма, заложенные в музыку. Спектакль голландцев решен хореографом Верой Паптор и Эрнотом Ваггетом совсем иначе. Его образы проще и реальнее, может быть, несколько упрощенные, но в них нет неврастенической обостренности, зловещего гротеска, болезненной напряженности. Постановщики нашли ряд интересных деталей, раскрыва-